

Причины экспансии кибернетики в науке / культуре (на примере концепции киборга Д. Харауэй)

Николай Евстюшин (образовательная программа «Прикладная культурология»)

Введение

Чем обусловлена экспансия кибернетики в науке и культуре? По всей видимости, существенную роль играет вера в ее многообещающий потенциал, который со второй половины XX века все еще кажется нереализованным. Речь не столько о ее локальных, точечных реализациях и приложениях ее концепций, будь то теория управления, теория игр, теория систем и т.д., сколько – вспомним подзаголовки основополагающей книги для направления «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» Н. Винера – о создании самоуправляющегося, саморегулируемого, автономного существа/механизма. То, что раздвинет границы человеческих

возможностей, станет ключом к новому витку НТР и воздвигнет человека в новый статус творца разумного (технического) существа. Искусственный интеллект, технологии машинного обучения, нейросети – современная наука стремится к реализации задач, сформулированных прежде кибернетикой. Наиболее захватывающей, если рассматривать популярную культуру, выглядит задача создания подобного самоуправляющегося автономного организма таким образом, чтобы результат был непосредственно вовлечен в человеческую жизнь. Чтобы организм представлял собой симбиоз человека и машины, животного и технологического, то есть был тем, что получило название «киборг». Одним из самых влиятельных теоретиков этой концепции является феминистская исследовательница Донна Харауэй.

В 1985 году Донна Харауэй, занимавшаяся гендерными исследованиями в университете Санта-Крус в Калифорнии, опубликовала статью под названием «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х». Несмотря на сложный и запутанный текст, она мгновенно принесла Харауэй известность, и с момента публикации имя Харауэй все чаще и чаще звучало в дискуссиях о роли науки и технологий в современной культуре, особенно в феминистских кругах.

В своей статье Харауэй предложила читателям посмотреть на реальность глазами киборгов. Киборг – бионическое существо, частично человек и частично робот, в котором граница между природой и (технологической) культурой размыта в теле, в котором смешаны плоть и титан. Киборги фигурируют во многих популярных научно-фантастических романах и фильмах, например, таких, как «Робокоп», «Терминатор» и «Звездный путь». Киборги – это конструкции, не имеющие фиксированной, предсуществующей, естественной идентичности. Они сделаны, а не рождены. Киборги только отчасти вымышлены – они также частично отражают затруднительное положение современных людей, существование которых неразрывно связано с технологическими рамками, в жизненном мире которых доминируют технологии и чей организм может быть полем, потенциально и реально опосредованным технологиями.

Но что конкретно представляет собой киборг, и что Харауэй подразумевает, раскрывая свою концепцию? Прямой ответ на этот вопрос невозможен, потому что сами киборги не имеют ни одного самостоятельного значения или идентичности, и, согласно Харауэй, они не подразумевают под собой ничего подобного. Киборги, настаивает она, имеют «сломанную идентичность». Эту идею можно прояснить, обсудив три разных аспекта концепции киборгов.

Происхождение и развитие концепции Киборга

Необходимо отметить, что термин «киборг» был придуман далеко не Донной Харауэй, а Манфредом Клайнсом, исследователем космических путешествий, и психиатром Нэйтаном Кляйном в 1960 году¹. Клайнс и Кляйн предположили, что физиологические аспекты космических путешествий потребуют развития «саморегулирующихся человеко-машинных систем» и назвали такие системы «киборгами», объединив понятия «кибернетика» и «организм». Они фактически разработали пример таких систем, вставив в лабораторную

¹ *Clynes M.E., Kline N.S. Cyborgs and space // Astronautics. 1960. Sept. P. 26–27, 74–77.*

Причины экспансии кибернетики в науке/культуре...

крысу осмотический насос, который непрерывно вводил химикаты в кровоток животного, создав таким образом живое существо, пищеварительная система которого включала в себя технологический элемент.

В этом значении термина люди становятся киборгами уже с появлением таких вещей, как кардиостимуляторы, искусственные клапаны сердца, тазобедренные суставы, линзы для глаз и т.д., не говоря уже о перенимании функций органов с помощью диализа или аппарата искусственного кровообращения. Техника уже привита к нам, она уже воплощена в буквальном смысле, находясь под нашей кожей.

Но термин «киборг» может означать больше, чем эти обыденные факты, поскольку он также показывает уровень технологических ожиданий. В статье «Унаследуют ли роботы Землю?» Марвина Мински – профессора Массачусетского Технологического Института, который был ведущим исследователем искусственного интеллекта, – ответ на вопрос уже содержится в самом начале: «Да, когда мы сможем полностью заменить тело и мозг с помощью нанотехнологий, тогда мы будем жить дольше – вплоть до бессмертия, обладать большей мудростью и наслаждаться возможностями, пока еще невообразимыми»².

Мински продолжает рисовать убедительную картину технологического будущего, в котором наука и техника преодолевают ограничения тела, данного нам природой, посредством замены генов, органов и расширения возможностей человеческого мозга с помощью вспомогательных средств обработки информации, связанных электродами с мозолистым телом – крупнейшей шиной данных в мозге. В этом технологическом будущем естественный отбор будет зависеть от сознательно направленного искусственного процесса отбора. Будут созданы киборги, которые, в конечном счете, будут обладать невообразимыми для обычного человека способностями.

Мински добавляет: «Само собой разумеется, при этом мы будем превращаться в машины. Означает ли это, что машины нас заменят? Я не чувствую, что имеет смысл мыслить в терминах “мы” и “они”. Я предпочитаю отношение Ханса Моравека из Университета Карнеги-Меллона, который предлагает, чтобы мы относились к этим будущим интеллектуальным машинам как к нашим собственным “детям разума”»³. Киборги, по словам Минского,

² *Minsky M.L. Will robots inherit the Earth? // Scientific American. 1994. Oct. P. 108–113.*

³ *Ibid.*

Причины экспансии кибернетики в науке/культуре...

являются «детьми разума», творческими продуктами, которые освежают «дух» или «душу» современных технологий. В этом смысле термин «киборг» пока еще порождение научной фантастики.

Но плод фантазии может быть убедительным и способным мобилизовать огромные состояния и усилия на его реализацию. Киборги могут быть очень реальными в том смысле, что, несмотря на недостижимость их существования на нынешнем этапе технологического развития, они могут весьма существенно воздействовать на действительность. Харауэй имеет в виду именно это значение, когда говорит о киборгах как об «ужасном апокалиптическом конце возрастающего господства абстрактной индивидуации Запада, полностью освободившегося наконец от всех зависимостей, человеку в космосе»⁴.

Но помимо фактических и фиктивных смыслов термина «киборг», Харауэй хочет сослаться на еще более фундаментальный смысл: существо, чей контекст, жизненный мир, социальные отношения и самоинтерпретация полностью пронизаны современными технологиями. В этом последнем значении люди все до единого – киборги. «К концу двадцатого века, к нашему времени, мифическому времени, мы все – химеры, выдуманные и сфабрикованные гибриды машин и организмов. Короче говоря, мы киборги. Киборг – это наша онтология, от него идет наша политика»⁵. Хотя Харауэй включает все три значения киборга в свою работу, она подчеркивает этот третий смысл, который знаменует собой коренной поворот в философской антропологии. Философская антропология обычно рассматривается как антропо-онтология, она отражает способы существования людей. Но с конца XX века эти способы бытия неразрывно связаны с технологией: антропо-онтология – это киборг-онтология. Но что это значит?

Мифические химеры

В упомянутой выше цитате Харауэй описывает наше время как «мифическое». В мифах мы часто встречаем химер – гибридных существ, они либо наполовину люди, наполовину животные, либо состоят из разных комбинаций животных: Пегас, Минотавр, Сфинкс, кентавры, гарпии, сатиры, горгоны. Эти существа воплощают размытие границы между животными и людьми. В их телах разные идентичности объединяются, но не как

⁴ *Haraway D. A cyborg manifesto: Science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century // Philosophy of technology: The technological condition: An anthology. John Wiley & Sons, 2014. P. 611.*

⁵ *Ibid. P. 611.*

метафизический союз или диалектическое снятие различий в форме высшего единства. Это скорее кровосмешения, извращенные собрания гетерогенных элементов.

Харауэй предлагает, чтобы мы представляли киборгов аналогичным образом, как существ, которые размывают границы, «кровосмешение» между людьми и технологиями. Эта идея уже была сформулирована во взглядах Клайнса, Кляйна и Мински, но Харауэй может сказать об этом куда больше. Теории Клайнса, Кляйна и Мински показывают, что киборг размывает границу между фактом и вымыслом. Это не ново – киборги фигурируют так же легко в самых дешевых комиксах и играх, как и в самых передовых научных исследованиях.

Но для Харауэй существуют еще три фундаментальных пограничных разрыва, которые находят свое происхождение в науке и технике и лежат в основе онтологии киборгов. Во-первых, это размывание разницы между человеком и животным, связанное с развитием современной биологии. Во-вторых, исчезновение разницы между организмами животного, человека и машиной. Протокибернетические машины еще не продемонстрировали принцип самодвижения или саморегуляции, но современные машины уже являются автономными, что больше не делает нас уверенными в их отличии от живых существ. Третий пограничный разрыв – тот, что находится между физическим и нефизическим. Под этим Харауэй понимает не столько преодоление разрыва между разумом и материей, сколько то обстоятельство, что современные технологии, несмотря на очевидную материальную реальность в строгом смысле этого слова, посредством миниатюризации и информатизации имеют тенденцию становиться все более невидимыми и неосязаемыми (нематериальными), тем самым приобретая силу, которая становится все более неуправляемой.

Наука и техника лежат в основе этого размытия границы – мы уже не знаем, где можно нарисовать точную границу между человеком и животным, природой и артефактом, материальной и нематериальной реальностью. С практической стороны, теперь мы находимся в состоянии реализовывать бесконечные «кровосмешения» между этими гетерогенными компонентами. Один из результатов Харауэй приводит в пример в работе «Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan_Meets_OncoMouse». OncoMouse – запатентованный фирмой «DuPont» штамм мышей, чей генетический материал содержит информацию человеческого гена рака груди. Живое существо становится изобретением – животное, которое несет

человеческий канцероген. OncoMouse, – современная химера, которая имеет свою цену на рынке⁶.

Как и в мифических химерах, в киборгах есть что-то монструозное. Они воплощают что-то антиестественное. Они вызывают у нас отвращение, потому что запутывают или оскверняют естественный порядок вещей. То есть они вызывают отвращение у тех из нас, для кого такие вещи, как естественный порядок, все еще является фундаментальной ценностью. Но они также являются монструозными в том смысле, что они де-монстрируют что-то. Как человеческие конструкции, они отражают ситуацию, в которую попали современные люди, чей жизненный мир сформирован интегральной схемой науки и техники. В этой самооценке человек воспринимает себя уже не как уникальную и оригинальную человеческую сущность, а как историческую конструкцию, которая бесконечно восстанавливается и трансформируется. В онтологии киборгов существование – не важно, связано ли оно с человеком, мужчиной, женщиной, животным, природой, культурой – воспринимается как сконструированное и конструируемое.

Заключение

Несмотря на то, что в своих текстах Харауэй использует множество эмпирических данных, ее философия техники носит преимущественно умозрительный характер. Она использует образ киборгов как зеркало – инструмент, с помощью которого она выявляет скрытые механизмы и возможности нашей социальной и политической реальности, в которых господствует технонаука. Киборги, по мнению Харауэй, предлагают нам взглянуть на вещи, которые могут нарушить наши современные способы мышления. В этих способах мышления наша этика, политика, концепции социальной реальности и исторического прогресса основаны на антропологии, в которой фиксируется сущность или природа человека. В этих способах мышления наша этика, политический порядок и т.д. в идеальном варианте должны соответствовать этой уникальной и оригинальной человеческой природе. Но таких понятий для киборгов не может быть. У них нет ни первоначальной природы, ни устойчивой идентичности – они есть бесконечно трансформируемые конструкции. Идентичность киборга не является первозданной сущностью, она скорее временная остановка в непрерывной серии

⁶ Haraway D.J., Goodeve T. Modest_Witness@ Second_Millennium. FemaleMan_Meets_OncoMouse: feminism and technoscience. Routledge, 2018. P. 78–80.

Причины экспансии кибернетики в науке/культуре...

построений. Это, как считает Харауэй, является той особенностью, что делает рассмотрение киборгов столь подходящим, чтобы пролить свет на идентичность как на конструкцию.

Библиография

Clynes M.E., Kline N.S. Cyborgs and space // *Astronautics*. 1960. Sept. P. 26–27, 74–77.

Haraway D.J. A cyborg manifesto: Science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century // *Philosophy of technology: The technological condition: An anthology*. John Wiley & Sons, 2014. P. 610–630.

Haraway D.J., Goodeve T. Modest_Witness@ Second_Millennium.

FemaleMan_Meets_OncoMouse: feminism and technoscience. Routledge, 2018.

Minsky M.L. Will robots inherit the Earth? // *Scientific American*. 1994. Oct. P. 108–113.

Munnik R. Donna Haraway: Cyborgs for earthly survival? // *American Philosophy of Technology: The Empirical Turn*. 2001. P. 95–119.